

III. Страницы новейшей истории

Николай Цимбаев

Русская Православная Церковь в годы испытаний (1900 – 1941)*

5 ноября 1917 года на особо торжественном заседании Поместного Собора Русской Православной Церкви, который проходил в Москве и в котором участвовали высшие церковные иерархи, представители белого и черного духовенства и мирян, предстояло избрать нового Патриарха. Иеросхимонах Алексей (Соловьев), затворник Зосимовой пустыни, всеми чтимый за безгрешность и великую праведность, должен был вынуть жребий, с помощью которого члены Собора решили сделать выбор между двумя достойными кандидатами на патриарший престол. Для всех истинно православных жребий, вынутый старцем Алексием, означал воплощение воли Всевышнего, согласно которой Святейшим Патриархом Русской Православной Церкви был избран Тихон (Белавин).

Неоднократно описанные, события 5 ноября 1917 года изучались как с точки зрения канонического права и церковной истории, так и в контексте социально-политической истории России. В настоящем сообщении судьба Русской Православной Церкви на переломе исторического бытия России, судьба величественная и трагическая, рассматривается именно в ее связи с судьбой народа и общества, и особенно в ее непростых отношениях с государством, которое в описываемое время именовалось по-разному: в начале XX века – Российская империя, после октября 1917 года чаще всего – Советская Россия. Но необходимым – и даже обязательным представляется предварить наш анализ, не выходящий за пределы социальной истории, словами известного церковного историка А. В. Карташева, который в 1932 году писал: „Особо волнующие моменты воплощения начала соборности для верующего наблюдателя-историка совпадают с моментами испытаний вероохранительной и вероучительной непогрешимости Церкви и осо-

* Доклад в рамках конференции «Христианство и тоталитарные вызовы 20-го столетия» (Айхштет, октябрь 2000).

бенно в случаях проведения этого неотъемлемого свойства и дара Церкви через форму Соборов¹.

Для верующей православной совести восстановление патриаршества было (и есть) торжеством соборности, события 5 ноября – кульминация Поместного Собора 1917 – 1918 годов. Для историка избрание патриарха Тихона означает окончание синодального периода в жизни Русской Православной Церкви, восстановление патриаршества – важнейшее событие русской церковной истории за последние три столетия. Более того, с позиций современности решение Поместного Собора 1917 года видится выходящим далеко за пределы внутрицерковных отношений. Оно, по утверждению публицистов и общественных деятелей, претендующих на выражение „русского православного сознания“ (в современной России занятие модное и безопасное) значило для судеб русского народа больше, чем все то, что происходило в стране в революционный 1917 год после отречения Николая II.

Однако, конкретный исторический анализ показывает, что в этом утверждении есть большая доля преувеличения. Свидетельства газет разных политических направлений, которые до середины 1918 года не запрещались большевиками, данные частной переписки, материалы местных органов власти (автор опирается на фонды архивов Москвы, Костромы, Воронежа, Сыктывкара и Саранска) дают основание утверждать, что для подавляющего большинства граждан бывшей Российской империи восстановление патриаршества и избрание патриарха Тихона, как и в целом деяния Поместного Собора, прошли практически незамеченными. Разумеется, отчасти это объясняется принадлежностью к иной конфессии (свыше трети всего населения); широким распространением, особенно среди городских жителей, разных форм позитивистского безразличия к делам веры и церкви; наконец, отсутствием должной информации (это верно для далеких окраин за пределами Европейской России). Главное, однако, в другом. Русская Православная Церковь оказалась на периферии общественного внимания задолго до 1917 года, в императорской России она была смиренным и безропотным инструментом в руках верховной власти, с годами все более и более утрачивая влияние на крестьянство – главный объект своего попечения.

Осенью 1917 года в крупных городах и промышленных центрах начинался голод, в деревне шел передел земли, фронт был сдан, армия развалилась. Временное правительство, провозгласившее Россию республикой, пало, переворот в Петрограде привел к власти крайне левые социалистические партии, чьи вожди говорили о начале мировой революции. На окраинах бывшей Российской империи создавались независимые государства, вожди которых строили свою политику на подчеркнуто презрительном отрицании наследия старой России.

¹ Карташев А. В. *На путях к Вселенскому Собору*. Париж, 1932, С. 51.

Традиционная российская государственность рухнула, историческая Россия прекратила свое существование.

В этих условиях восстановление патриаршества следует рассматривать не просто как реализацию давно высказывавшихся пожеланий обособления церкви от государственных институтов и большей церковной самостоятельности. Восстановление патриаршества есть следствие крушения Российского государства, без опеки которого Православная Церковь не умела обходиться со времен Смуты. Восстановление патриаршества – естественный и в данных конкретно-исторических обстоятельствах единственно возможный ответ церковных кругов на государственно-политический хаос, на экономическую разруху, на национальное унижение. Несомненно, что это был не просто церковный акт, но прежде всего акт церковно-политический.

Избрание патриарха Тихона есть и свидетельство силы и достоинства Православной Церкви, и проявление ее слабости. Сосредоточившись на внутреннем церковном устройстве, православные иерархи сознательно, что легко проследить по решениям Поместного Собора, уклонялись от выявления своего отношения к „злобе дня“, к новой власти, которая с первых своих шагов заявила о себе как власть богоборческая. Даже артиллерийский обстрел большевиками Московского Кремля, с военно-тактической точки зрения излишний и повлекший за собой многочисленные повреждения православных святынь, вызвал слабый протест Поместного Собора, изложенный в брошюре епископа Нестора Камчатского „Расстрел Московского Кремля“ (27 октября – 3 ноября 1917 года). В этом отношении православные миряне нередко более твердо защищали церковные интересы от богохульных посягательств. В Москве, например, уже в январе 1918 года был создан Временный Совет объединенных приходов, председателем которого стал известный А. Д. Самарин. В воззвании Временного Совета всем приходам предлагалось „возможно чаще собирать приходской Совет, а также по возможности и общие приходские собрания для обсуждения всех вопросов, вытекающих для веры и Христовой Церкви в связи с гонением, воздвигнутым против них Советом Народных комиссаров и его агентами на местах“. При этом Совет считал „безусловно недопустимым“, чтобы прихожане при посягательстве властей на храмы и церковное имущество „прибегали к силе оружия“².

Учитывая время, когда создавалось воззвание (январь 1918!), призыв „не прибегать к силе оружия“ в высшей степени многозначителен. Поругание святынь вызвало к сопротивлению, которое находило исход и в стихийном возмущении действиями большевиков, и в Белом движении. Несколько лет спустя православный мыслитель И. Ильин выразил эти настроения в книге „О сопротивлении злу силой“ (1925).

² Цит. по кн.: Новоселов М. А. *Письма к друзьям*. М., 1994, С. XXXII.

Однако гораздо шире были распространены апокалиптические ожидания, порождавшие уныние и смирение. М. Новоселов, много писавший на церковные темы, так передавал свои настроения 1918 года, когда „какой-то внутренний голос явственно сказал мне: „не хули их, они орудие Божие; хуля их, будешь хулить Пославшего их; прими посланное как от руки Божией и терпеливо и уповательно неси крест, кто бы ни был орудием испытания“³. Свидетельств, подобных новоселовскому, немало. В целом можно утверждать, что Православная Церковь в лице своих высших иерархов в отношении к большевикам с первых дней октябрьского переворота избрала путь терпения и страдания, но никак не сопротивления. Это был сознательный выбор, последствия которого не замедлили сказаться.

Новая власть утверждалась быстро и повсеместно: крестьянская Россия ожидала от нее земли, солдаты – прекращения войны, рабочие – социального равенства. Противники народных комиссаров уповали на скорый созыв Учредительного собрания, генералы М. Алексеев и Л. Корнилов собирали на Дону силы для вооруженной борьбы во имя союзнического долга с „немецкими агентами“ В. Лениным и Л. Троцким.

На патриарха Тихона никто не возлагал надежд, никто – ни ближайшее окружение, ни представители православной общественности – не ожидал резких заявлений или решительных действий. Никто, ни опытные синодальные деятели, ни многознающий С. Булгаков, ни наделенный пылким воображением П. Флоренский, ни циничный В. Розанов – никто не представлял себе возможный образ действий главы Русской Православной Церкви в новое Смутное время. В этих обстоятельствах декрет советской власти об отделении церкви от государства развязывал руки церковным иерархам, освобождая их от вековой зависимости от государственных институтов, даже от необходимости поддержания с ними простых повседневных контактов.

Насколько оправдана и практически возможна была такая позиция в условиях жестокой Гражданской войны? Не создавал ли декрет лишь иллюзию несотрудничества? Судить об этом необычайно трудно. Бесспорно, что с первых дней советской власти церкви и верующим пришлось, по словам Новоселова, „терпеть торжествующее, смеющееся в глаза, хамское, чтобы не сказать – сатанинское, нечестие, оскорбляющее самые заветные, самые святые наши чувства“⁴. Но бесспорно и то, что протесты, исходившие из церковной среды, против разрушения храмов, осквернения мощей, насилия над священнослужителями постоянно сопровождалась ссылками на авторитет декрета и на советские постановления, этот декрет разъясняющие. Как известно, тезис об отделении церкви от государства отнюдь не был изобретением большевиков. В России начала XX века он разделялся не только либеральной и социалистической общественностью, но и не-

³ Новоселов М. А. Ук. соч., С. 76.

⁴ Там же, С. 65.

которыми представителями церковных кругов. В последние годы в печати не раз высказывалось утверждение, что этот тезис „был лишь прикрытием негласного курса на искоренение религии как таковой, взятого Лениным и другими большевистскими вождями“⁵. Нам представляется, что в первые советские годы это было по меньшей мере неочевидно.

Как ни парадоксально это звучит, но декрет об отделении церкви от государства сыграл в судьбе православной церкви роль ничуть не меньшую, чем восстановление патриаршества; он – но прежде всего сама российская действительность революционных лет – вывел церковь из состояния, которое Ф. Достоевский безжалостно определил: „Церковь как бы в параличе, и это уж давно“⁶.

„Церковь в параличе“ – образ, передающий положение православной церкви в императорской России, особенно при К. Победоносцеве, обер-прокуроре Священного Синода в 1880 – 1905 годах. Управление Победоносцева было временем полного подчинения церкви и ее иерархов государственному сановнику, уверенному в собственной непогрешимости. Консерватор и ярый противник любых конституционных начинаний, Победоносцев пренебрегал общественным мнением и не доверял даже церковной общественности, не допуская мысли о возможности политического и церковного обновления. При нем небывалую силу получила синодальная иерархия, несокрушимой стала власть духовной консистории, чиновники которой создавали и разрушали архиерейские карьеры, поощряя искачество и лесть. Среди православных мирян он поощрял „практический папизм“ – преклонение перед иерархией, отождествление ее со всей Православной Церковью. Действия Победоносцева вызывали протест даже в консервативной среде, плачевное состояние церковных дел часто затрагивалось в таких органах печати, как „Новое время“ А. Суворина и „Гражданин“ кн. Мещерского. Однако Победоносцев пользовался полным доверием Александра III и Николая II⁷.

Несомненно, что и в эти трудные времена Православная Церковь имела достойных иерархов, что тогда прославились отец Иоанн Кронштадтский, старцы Оптиной и Зосимовой пустынь. Но российская общественность судила о состоянии церковных дел, помня об исходивших от Победоносцева гонениях на Л. Толстого и о том, что Вл. Соловьев в какой-то момент всерьез опасался, что его могут сослать на Соловки. Установленная же обер-прокурором жесткая внутрицерковная дисциплина не помешала священнику Георгию Гапону возглавить „Союз русских фабрично-заводских рабочих города Петербурга“, пропагандировать странную смесь православно-монархических и революционно-социалистических воззрений и сыграть зловещую роль в событиях 9 января 1905 года. Следует,

⁵ См. комментарии В. С. Полищука в кн. Новоселова М. А. *Письма к друзьям*, С. 313.

⁶ Достоевский Ф. М. *Полн. собр. соч.* в 30 тт. Т. 27. Л., 1984, С. 49, 65.

⁷ Из работ, посвященных К. П. Победоносцеву, наибольшее значение сохраняет книга: Simon G. *Konstantin Petrovič Pobedonoscev und die Kirchenpolitik des Heiligen Sinod. 1880 – 1905.* Göttingen-Zürich. 1969.

правда, подчеркнуть, что даже в зените своей недолгой славы Гапон, как и его идеалы „полицейского социализма“, не встречали понимания и поддержки в церковной среде.

Широкое недовольство состоянием Русской Православной Церкви находило выражение в распространении разных религиозно-философских кружков, обществ и братств, которые стали приметой духовной жизни предреволюционной России. На заседаниях этих объединений – в Москве, в Петербурге, в провинции – встречались представители духовенства, писатели, ученые, философы. Шел как бы диалог между Церковью и российской общественностью, диалог, значение которого нет оснований умалять, но и не следует переоценивать, помня, что гораздо чаще в поисках истины люди обращались к учению Л. Толстого, к марксизму, к сочинениям Ф. Ницше.

Самым известным из объединений такого рода было петербургское „Религиозно-философское собрание“, первое заседание которого состоялось 29 ноября 1901 года под председательством ректора Духовной Академии епископа Ямбургского Сергия (Старгородского), будущего Патриарха. На этом заседании богослов и философ В. Тернавцев сделал доклад „Русская Церковь пред великой задачей“, где укорял церковных иерархов за „небрежение о земном“, за отсутствие социального идеала, за неумение видеть надвигающиеся социальные потрясения. Он утверждал: „Для всего христианства наступает пора не только словом в учении, но и делом показать, что в Церкви заключается не один лишь загробный идеал. Наступает время открыть сокровенную в христианстве правду о земле – учение и проповедь о христианском государстве“⁸.

Своей серьезностью доклад Тернавцева призван был задать тон религиозно-общественному диалогу, но его указания на „религиозное призвание светской власти“, на „общественное во Христе спасение“ не были услышаны ни представителями русского общества, ни, что для нашей темы особенно важно, церковными деятелями, которые оказались на редкость невосприимчивыми к социальной проблематике. По удачному выражению В. Розанова, религиозные искания российской общественности шли „около церковных стен“, вне строгой православной церковности. Для Д. Мережковского и его последователей „искание Бога“ было, прежде всего, средством заявить о своем неприятии политической, общественной и церковной атмосферы, царившей в стране. Более серьезный характер имело московское Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева, заседания которого проходили с 1905 по 1918 годы и которое объединяло виднейших русских философов. Однако и оно не оказало сколько-нибудь существенного воздействия на процессы, происходившие внутри Православной Церкви. Равным образом не оправдались надежды на воцерковление российской общественности.

⁸ *Записки Петербургских религиозно-философских собраний (1902 – 1903)*. Спб., 1906, С. 21-22.

Движение за церковную реформу, объективно направленное не только против Победоносцева и его образа действий, но и против синодального устройства в целом, возникло внутри самой церкви, в среде белого духовенства, церковных писателей и богословов. Общественных деятелей, которые бы понимали суть церковных проблем и предлагали их компетентное решение, было немного, среди них уместно назвать А. Хомякова, Ю. Самарина и Вл. Соловьева. Последний в статье „О духовной власти в России“ (1881) призывал к созыву Собора русской Церкви. Идея Собора стала знаменем борьбы за глубокую церковную реформу, и знаменательно, что за двадцать лет до Вл. Соловьева ее высказал епископ Игнатий (Брянчанинов) в записке „О необходимости Собора по нынешнему состоянию Российской Православной Церкви“. Долгое время эти призывы оставались не услышанными, равно как и обращение епископа Волынского Агафангела к Александру II о „пленении русской церкви“. Причины правительственного невнимания к фундаментальным проблемам Православной Церкви вполне очевидны: петровская традиция синодального управления была действительно эффективна в повседневных делах. Видеть в церкви равноправного партнера российские государственные деятели просто не умели. Более сложно, за недостатком данных, судить о мотивах действий церковных иерархов, подавляющее большинство которых (речь идет о второй половине XIX – начале XX веков) решительно уклонялись от всякого обсуждения вопросов церковного управления и церковной реформы. Неоднократные и компетентные обличения (Н. Лесков, И. Беллюстин) их лености и своекорыстия в данном случае объясняют немногое.

Подлинным событием церковно-общественной жизни стало появление в 1898 году книги профессора церковной истории Московского университета А. Иванцова-Платонова „О русском церковном управлении“, где шла речь и о необходимости ограничения власти духовной консистории, и о возрождении церковно-приходской жизни. Иванцов-Платонов, близкий к славянофилам Ю. Самарину и И. Аксакову, отстаивал идеи церковной реформы еще в 1880-е годы, его книга дала возможность другим церковным публицистам (И. Бердников, Ф. Благовидов, А. Болдовский, Н. Кузнецов, И. Преображенский, Н. Огнев, В. Соколов) начать ее всестороннее обсуждение⁹.

Один из них (В. Соколов) справедливо писал: „В печати нередко повторяются в последнее время известные слова Достоевского, что „русская Церковь в параличе“. Нам думается, что это выражение слишком сильно и слишком мрачно. Сказать, что русская Церковь в параличе, значит отрицать в ней всякое движение в настоящем и почти всякую возможность исцеления в будущем. Отнюдь не соглашаясь с таким ужасным приговором, мы припомним лучше слова Соловьева,

⁹ Подробнее см.: Curtiss J. S. *Church and State in Russia. The last Years of the Empire. 1900 – 1917.* N.-Y., 1940, P. 195-235.

что русская Церковь только „задремала под сенью казенной опеки“ и вопрос лишь в том: „как пробудить, чем всколыхнуть эту дремлющую силу“¹⁰.

Историк должен признать, что „всколыхнула“ Православную Церковь революция 1905 года. Преобразование и обновление Церкви стало делом государственным, ибо в церковной реформе власти, терявшие контроль над страной, видели одну из возможностей успокоить часть общества. В марте 1905 года соответствующие проекты обсуждались на особых заседаниях Комитета министров и в Синоде, который постановил обратиться к императору с ходатайством о созвании Поместного Собора и восстановлении патриаршества. Обращение Синода – мера неожиданная и вынужденная давлением внешних обстоятельств, но, вместе с тем, оно шло навстречу давним пожеланиям сторонников церковной реформы. В печати уже назывались и сроки проведения Собора и вероятные кандидаты в патриарха, но синодальная инициатива не нашла поддержки у церковной общественности. 31 марта Николай II наложил на прошение Синода резолюцию, откладывая созыв Собора на „благоприятное время“.

Единственно реальным следствием мартовских волнений стал указ, согласно которому епархиальные архиереи должны были к концу года дать подробные представления по вопросу о церковной реформе. Эти отзывы были собраны и изданы, став подлинным пособием для Предсоборного Присутствия, заседания которого шли с марта по декабрь 1906 года, но не привели к созыву Собора. Не наступило „благоприятное время“ и в 1912 году, когда созывалось Предсоборное Собрание. Церковные иерархи – своеобразная и в достаточной мере закрытая среда, мало доступная внешним общественным воздействиям – не проявили ни единства, ни настойчивости перед лицом верховной власти, которая в очередной раз показала, что для нее церковные дела – вещь второстепенная.

Православная Церковь должна была испытать унижение, когда в 1911 году за попытку противодействовать Гр. Распутину из Петербурга был удален епископ Гермоген („дело иеромонаха Илиодора“); она должна была принять на себя ответственность за появление черносотенных „Почаевских известий“ и за скандальные, лево- и праворадикальные выступления депутатов-священнослужителей в Государственной Думе; в ней должно было наступить отрезвление после военно-патриотического угара, когда воспевалась „величайшая из великих война за правду Божию“ (И. Преображенский)¹¹; она – и это главное! – должна была лишиться своей главы и опоры, отрекшегося от престола Николая II – и только тогда, в год новых революционных потрясений, пришло „благоприятное время“. Время Поместного Собора 1917 – 1918 годов, большинство членов которого стало жертвами беззакония и произвола.

¹⁰ Соколов В. Предстоящий Всероссийский Церковный Собор: его состав и задачи.// В кн.: *Перед Церковным Собором*. М., 1906, С. 54.

¹¹ См. Преображенский И. В. *Величайшая из великих войн за Правду Божию*. Пг., 1916.

Об этом времени современный исследователь Е. С. Полищук пишет так: „Приход большевиков к власти знаменовал начало новой эпохи в жизни Русской Православной Церкви – эпохи притеснений, гонений, преследований; власти едва скрывают свою ненависть к „поповщине“, воинствующий атеизм становится столь же обязательным для гражданина „страны советов“ тестом на лояльность, как антисемитизм в фашистской Германии“¹².

Далеко не со всем в этой тираде можно согласиться. В частности, тягчайшие преступления большевиков против Русской Православной Церкви (известны случаи почти зоологической ненависти к ней представителей новой власти) не должны служить основанием для идеализации предшествовавшей эпохи и забвения того обстоятельства, что многие беды церкви не были привнесены извне, но коренились в ней самой. К примеру, в 1917 – 1918 годы получил распространение „церковный большевизм“, когда миряне и клирики избирали на местах духовно-революционные епархиальные советы, не признававшие законной церковной власти, когда создавались, отдельно от пастырей, союзы диаконов и псаломщиков, когда, наконец, от мирян и низших клириков исходила инициатива обращения к враждебной Церкви власти комиссаров для урегулирования внутрицерковных разногласий. Это явление обсуждалось на Поместном Соборе, и в марте 1918 года была даже создана специальная комиссия „О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни (большевизма в церкви)“.

Несмотря на соборное осуждение „церковного большевизма“, массовые и серьезные отступления от церковных правил, сознательные нарушения порядка богослужения продолжались и позднее, что никак нельзя приписать прямому „большевистскому давлению на церковь“, но легко объяснить тем, что в период всеобщего революционного брожения давнее неблагополучие в церковной среде искало (и находило) выход, „борясь за новшества“. К наиболее вопиющим примерам можно отнести факты общей исповеди (церковный вариант массового действия, столь распространенного в России после 1917 года), практику награждения митрофорных протоиереев правом совершать литургию, подобно архиереям, с открытыми царскими вратами (отражение давнего стремления к уравниванию белого и черного духовенства), чтение „Апостола“ и „Часов“ простыми мирянами и другие, как тогда выражались, „шалости“. Потребовалось особое послание Патриарха Тихона от 4 (17) ноября 1921 года, направленное против богослужебных новшеств, где, в частности, говорилось: „Совершая богослужение по чину, который ведет начало от лет древних и соблюдается по всей Православной Церкви, мы имеем единение с Церковью всех времен и живем жизнью всей Церкви... Божественная красота нашего истинно назидательного в своем содержании и благодатно-действенного богослужения... должна сохраниться в Св. Православ-

¹² Полищук В. С. Михаил Александрович Новоселов и его „Письма к друзьям“ // В кн.: Новоселов М. А. Ук. соч., С. XXXI.

ной Русской Церкви неприкосновенно, как величайшее и священнейшее Ее достояние¹³.

Для характеристики состояния церковных дел важно отметить, что сторонники „новшества“, среди которых далеко не все были вовлечены в обновленчество, не подчинились посланию, оно, по свидетельству М. Новоселова, „не возымело силы“¹⁴. Видный представитель обновленцев протоиерей Александр Введенский просто отверг послание, назвав его „апогеем тихоновского консерватизма“ и подчеркнув, что „мрачные оо. протоиереи и черносотенцы-епископы торжествуют“¹⁵. (Характерна сама чисто политическая аргументация).

В рамках нашего сообщения нет возможности специально рассматривать достаточно известные вопросы, связанные с так называемой обновленческой смутой. Вместе с тем важно подчеркнуть, что „небрежение о земном“, в котором укорял Церковь В. Тернавцев, в пореволюционные годы нашло свою противоположность в обновленческом течении в православной церкви, когда возникли „Союз церковного возрождения“, „Союз общин древлеапостольской церкви“, „Живая церковь“, „Свободная трудовая церковь“, „Союз религиозно-трудовых общин“. Все обновленческие группы объединяла лояльность к советской власти, использование церковно-революционной фразеологии и – главное – признание тождества христианских и социалистических идеалов. Обновленческий раскол, апогей которого приходится на 1923 год, когда проходил обновленческий собор, решения которого, уместно напомнить, поддержали, по чисто политическим соображениям, восточные патриархи, тяжело сказавшись на жизни Православной Церкви, на судьбе таких стойких противников обновленчества как митрополит Петр (Полянский), митрополит Кирилл (Смирнов), митрополит Агафангел (Преображенский), на судьбе Патриарха Тихона. Несомненно, что большевики использовали обновленцев в своих целях для дискредитации веры и Православной Церкви, но бесспорно и то, что истоки обновленчества следует искать в церковном неблагополучии предреволюционного времени.

Гораздо более важное значение для судьбы Православной Церкви имело прямое противостояние Патриарха Тихона и советской власти. К этому противостоянию Патриарх был вынужден откровенно провокационными действиями властей, которые, например, в 1919 – 1920 годах провели кампанию осквернения мощей (было произведено 63 „вскрытия“, обставленные как „разоблачение церковной лжи“), в том числе таких почитаемых русским народом святых, как Сергей Радонежский, Тихон Задонский, Савва Звенигородский. Мотивы действий властей (это была хорошо организованная и координируемая из центра акция) – вопрос наиболее трудный и, возможно, не имеющий рационального ответа.

¹³ *Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России*. М., 1994, С. 181.

¹⁴ Новоселов М. А. Ук. соч., С. 18.

¹⁵ Введенский А. *Церковь и государство*. М., 1923, С. 241-242.

Следующим этапом борьбы советского государства с церковью стала кампания по изъятию церковных ценностей. Используя как предлог страшный голод 1921 года, большевики издали в феврале 1922 года декрет об изъятии на нужды голодающих всех церковных ценностей, независимо от их освященности и богослужебного назначения. Попытки Патриарха найти компромисс с властями были жестко пресечены. Результатом было кровавое подавление сопротивления верующих, которые пытались отстоять церкви от осквернения. Настроения тех лет лучше всего передают слова В. Никифорова-Волгина: „Почернело тело Христово“¹⁶ (слова глубоко символические и вместе с тем отражавшие реальность – литургийный хлеб стал тогда ржаным).

Расправа ВЧК с Патриархом Тихоном и верными ему православными иерархами достаточно подробно освещена в литературе последних лет. Факты, которые стали известны, собранные статистические данные о разрушенных и оскверненных храмах, о бессудных расправах над духовенством и православными мирянами, об их ссылке и заключении в тюрьму – все это производит страшное впечатление. Вне всякого сомнения в 1920-е годы советская власть была не просто властью атеистической, но прямо богоборной.

Вместе с тем, период, начало которого (очень условно) можно отнести к середине 1927 года и который продолжался до июня 1941 года, до начала Отечественной войны, был существенно иным. К сожалению, исследователи нередко обходят молчанием то обстоятельство, что с лета 1922 года, когда ВЦИК издал постановление об обязательной регистрации всех общественных организаций, Православная Церковь, отнесенная к „общественным организациям“, не только фактически (как это было с октября 1917 года), но и юридически находилась вне закона. Отказ Церкви пройти процедуру регистрации развязывал властям руки в насаждении государственного безбожия. Ситуация изменилась после получения регистрации летом 1927 года, что было прямо связано с „декларацией о лояльности“ заместителя патриаршьяго местоблюстителя митрополита Сергия (Старгородского). Предметом специального исследования должно стать бросающееся в глаза хронологическое совпадение перемен в церковной политике властей с теми переменами, что происходили в большевистской партии и в ее политической линии.

Верно, что 1930-е годы были в истории Русской Православной Церкви временем непрерывных тяжелых испытаний. Но именно тогда высшие церковные иерархи, твердо руководимые митрополитом Сергием, окончательно справились с обновленческим расколом (вопрос об участии в этом властей остается открытым), отказались от позиции несотрудничества и, тем более, не проявляли склонности к противостоянию государственной власти. Церковь уцелела, выстояла и вновь, как в синодальные времена, заняла по отношению к государству подчи-

¹⁶ Цит. по: *Дорожный посох*. М., 1991, С. 86.

ненное положение. Положение, к которому Русская Православная Церковь исторически приучила себя, которое ей было более привычно, нежели полное обособление от государства, и которое, как показали дальнейшие события, вело к восстановлению утраченных в годы испытаний позиций.